

М. М. Содномпилова, Б. З. Нанзатов

АРХАИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОБРЯДЫ, СВЯЗАННЫЕ С ЖИВОТНЫМИ В НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ¹

Нормативно-правовая культура является важной частью культурного наследия любого народа. Монгольские и шире – тюрко-монгольские народы обладают древними традициями правосознания, которые формировались в контексте традиционной культуры охотников, кочевников-скотоводов, воинов. Особый пласт традиционной нормативно-правовой культуры кочевников и охотников, пропитанной шаманистскими воззрениями составляют магические приемы и сакральные предметы. Совокупность таких предметов довольно широка и разнообразна – в нее входили метеориты («небесные стрелы»), почитаемые животные и части их тел, разные виды оружия. Комплекс традиционных представлений, запретов, обычаев и обрядов, можно охарактеризовать как меры, направленные на борьбу с правонарушениями и способствующие защите интересов в споре сторон. В данной статье внимание уделено магическим приемам и средствам, направленным на борьбу с воровством в среде кочевников.

Ключевые слова: *обычное право, религиозные воззрения, кража, почитаемые животные, волк.*

Нормативно-правовая культура является важной частью культурного наследия любого народа. Монгольские и шире – тюрко-монгольские народы обладают древними традициями правосознания, которые формировались в контексте традиционной культуры охотников, кочевников-скотоводов, воинов. В исследованиях монгольского законодательства проведена огромная работа по определению правовых норм, анализу эволюции нормативных систем в процессе развития общества. От перевода, описания исторических источников и обобщающих работ по истории традиционного монгольского права в XX в. (С. Д. Дылыков, Х. Пэрлээ, Я. И. Гурлянд, В. Я. Рязановский, Г. К. Гинс), внимание исследователей смещается в сферу исследования генезиса права и государства, природы права (труды исследователей-правоведов Р. Ю. Почекаева, А. Т. Тумуровой). Реконструкция системы представлений о власти, определяемую представлениями о законе в монгольском обществе стала задачей специального историка-востоковеда Т. Д. Скрынниковой. Пристальное внимание уделяли традиционному монгольскому праву историки-востоковеды Ц. Жамцарано, Е. И. Кычанов, А. Д. Насилов, Р. Е. Пубаев, Ц. П. Ванчикова, этнографы – М. Н. Хангалов, П. П. Баторов, Т. М. Михайлов. Но, все же многие аспекты эволюции обычного права народов южной Сибири все еще требуют глубокого исследования.

Представляет, в частности интерес место и функции в нормативной культуре монгольских народов комплекса традиционных представлений, запретов, обычаев и обрядов. В традиционной культуре некоторые магические ритуалы должны были способствовать обнаружению украденного животного или вещи, а магические предметы защитить интересы истца или обвиняемого в суде. Но самой главной целью обращения к магии было наказание преступника в тех случаях, когда закон был бессилён. Исследование этих проблем интересно с точки зрения индивидуального права членов общества не обладающих регламентированным обществом правом судить и наказывать, осуществлять правосудие. При этом желающие обнаружить правонарушителя и привлечь его к ответственности, опираются на справедливое участие или решение сверхъестественных сил. В данной статье рассматривается явление включения магических мер защиты имущества в практику предотвращения и борьбы с таким распространенным

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект №14-18-00552 «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии».

в номадной традиции правонарушением как кража скота. Исследование опирается преимущественно на исторические, этнографические и фольклорные материалы бурят, монголов, тюрков Южной Сибири.

Воровство в номадной традиции было одним из самых распространенных действий, унаследованных от древнего обычая баранты, классифицируемых в цивилизованной нормативной культуре как правонарушение. Однако в традиционном кочевом обществе обычаи вооруженных набегов за скотом к соседним народам, совершаемые членами мужских союзов, строго отличались от обычного воровства. Эти действия понимались в обществе как проявление мужества, удали, и влияли на общий стиль жизни кочевого общества. «Среди номадов складывалось представление о большой престижности военных грабительских походов и завоеваний в сравнении с мирным скотоводческим трудом. Это накладывало отпечаток на жизнь кочевников, служило основой для формирования у них культа войны, воина-всадника, героизированных предков, нашедших, в свою очередь, отражение как в устном народном творчестве (героический эпос), так и в изобразительном искусстве (звериный стиль)» (Крадин, 1994: 66).

Существовавшая в Халхе еще в начале XX в. традиция «сайн хулгай» – «доброе воровство», хотя и не имела прямой преемственности от баранты времен юности Темучжина, но по многим чертам могла быть классифицирована как разновидность института набегов. Эта традиция в народе воспринималась как борьба с феодалами и маньчжуро-китайцами (Цыбикдоржиев, 2003: 230).

В обычном праве бурят, сформулированном в письменном виде в границах нормативно-правовой системы Российского государства, набеги с целью угона большого количества скота назывались *дээрэм* и классифицировались как разбой, грабеж. Эти действия определяли, как уголовные и криминальные преступления и относили к ведению русских властей. Они не входили в юрисдикцию бурятских органов самоуправления в отличие от «всякого рода воровства, кражи и обмана, не превышающих состояния впадшего в оное преступление и не заключающего в себе важных последствий» (Хангалов, 2017: 264). В обычном праве бурят как акт воровства *хулгай* рассматривалось «тайное присвоение чужого имущества» (Тумурова, 2005: 143), совершенное, главным образом, по отношению к «своим» – сородичам, соплеменникам. Поэтому подобные дела бурятские сообщества рассматривали самостоятельно, «употребляя все меры человеколюбия и беспристрастия». Виновного в воровстве наказывали «без упущения и жестокости... строгими выговорами, арестом, стыдом, денежной пеней и взысканием покраденного» (Хангалов, 2017: 267). Основным объектом кражи у кочевников являлся скот.

Отсутствие жесткого наказания за воровство² компенсировалось суровым общественным осуждением провинившегося. Старая бурятская поговорка гласила: *Нэрээ хухаранхаар – яһаа хухарбал дэрэ* «Лучше сломать свою кость, чем опорочить свое имя». Эта поговорка отражает отношение общества к воровству. Если человек попадался в воровстве, то раз и навсегда терял свое доброе имя. Жизнь в родном улусе, где все знают друг друга, становилась для него трудной (Лодон багшын дэбтэрһээ, 2012: 223). Общественное осуждение выражалось не только в недоверии к провинившемуся. Он на долгое время, если не навсегда лишался статуса добропорядочного, уважаемого человека. Падение его репутации влекло за собой утрату прежних социальных позиций в иерархии общества. Последствиями этого в дальнейшем могло быть отчуждение виновника от социума, распределения социальных благ. Нередко правонарушителям приходилось менять место жительства.

Но были и те, кто не беспокоился о своей репутации. Воровство становилось для них регулярным и прибыльным занятием. Знаменитые воры утоляли не столько жажду наживы, сколько страсть к лихим приключениям. Имена многих известных воров получали широкую

² В «Великом уложении» 1640 г. за кражу наиболее распространенных в быту и, вероятно, ценных вещей (огниво, нож, напильник, узду ременную, молоток, бязевую рубаху и др.) вору следовало отрубить палец, либо взять штраф в размере двух бодо (верблюдов) и трех овец (Их Цааз, 1981: 28).

известность. О них слагали легенды. Впоследствии они нередко делились подробностями своих вылазок (О воре по прозвищу..., 2010: 228).

Все же большинство воров старались, чтобы их преступление не раскрылось. Поэтому они предпринимали ряд мер магического характера. «По словам бильширских бурят, будто воры, которые крадут чужой скот и колют, чтобы скрыть следы преступления, поступают так: отрезают у краденной скотины кончик языка и кончики ушей и зарывают в землю кончиками вниз, причем произносят: “имеющие уши не услышали бы, имеющие рты не узнали бы”. Тогда воровство их не обнаружится» (Хангалов, 1960: 65).

Зачастую скот у своих воровали бедные люди в случае крайней необходимости, в целях пропитания. Толкование такого преступления было разным: в уложении 1808 г. хоринских родов, человек, укравший скотину для своего пропитания мог подать для разбирательства свое объяснение проступка и оповестить весь народ о своем бедственном положении (Обычное право хоринских бурят, 1992: 31). В этом случае лицо совершившее кражу наказывалось розгами, но освобождалось от уголовной ответственности. Он был обязан возместить съеденное в натуре. Если же возместить было нечем, то предусматривалась передача виновного в работники на определенный срок (Тумурова, 2005: 144). В уложении 1823 г. хоринских родов аналогичный проступок, несмотря на смягчающие обстоятельства признавался воровством и виновника судили также как вора (Обычное право хоринских бурят, 1992: 74).

В других же случаях кража скота влекла за собой уплату *ялы* (штрафа) определенным количеством скота. Размер возмещения штрафа в разные периоды истории колебался. Е. М. Залкинд отмечает изменения от 7 голов скота в XVII в. до 10 голов в начале XVIII в. (Залкинд, 1970: 126). Затем размер *ялы* снижается до 3 голов и даже одной головы (у хоринских бурят), но позднее в XIX в. утверждается в размере 3–4 голов. «Ежели кто украдет у кого живую скотину, коня, корову или овцу, за каждую голову, по древним для всех иноверцев обыкновениям, взыскивается с виновного по сделанному им признанию или изобличению посторонними доказательствами по 4 головы того же роду скота и возвращается хозяину и виновный до двух раз, при сходке народа и по приговору мирскому с запиской в журнал, наказывается телесно лозами...» (Хангалов, 2017: 271).

В разрешении таких вопросов часто полагались на добровольное признание человека, совершившего кражу. Поскольку меры наказания были относительно мягкими, случаи добровольного признания, вероятно, были нечастым явлением. Имплицитно возможность такой позиции провинившихся демонстрируют надежды людей на помощь магических предметов в судебных разбирательствах. Обращались к таким средствам и невиновные, опасаясь проиграть дело. Так, отправляясь на суд, буряты брали с собой магические предметы, которые согласно поверьям, помогали выиграть дело, доказать невиновность. В перечень таких предметов входят иглы ежа, змеиный язык. «Бильширские буряты говорят, что тому, кто имеет тяжёбые дела, хорошо иметь при себе змеиный язык: имеющий его всегда выиграет тяжбу» (Хангалов, 1960: 77). Еж Заря-Азарга в представлениях бурят – существо, обладающее особой рассудительностью, которая хорошо иллюстрируется в бурятской мифологии. В предании о том, как Высокое небо и Широкая земля породнились, ёж проявляет свою мудрость, объяснив Высокому небу, как ему вернуть солнце и луну, отданных в качестве калыма Широкой земле (Хангалов, 1960: 11–12). Пользуется популярностью и летучая мышь *харьха эрбэхэ*, которая в общей тюрко-монгольской мифологической базе выступает умным существом, сумевшим обмануть царя зверей, доказав, что она птица, ибо у нее есть крылья, и обвести вокруг пальца царя птиц, доказав, что она зверь, а не птица, ибо у нее есть когти и клыки. С тех пор она никому не платит албан (Хангалов, 1960: 23; Бутанаев, 2004: 141). Хакасские истцы и ответчики, отправляясь на судебные разбирательства, пришивали под воротник засушенную летучую мышь или для удачи засовывали ее в карман. «Чтобы удачно оправдаться перед судом, как летучая мышь, хонгорцы приносят ее с собой» (Бутанаев, 2004: 141).

Следует отметить, что в целом, ложных показаний буряты старались избегать, боясь кары со стороны *заянов*, которые судили обвиняемых и истцов, а также и родоначальников за их неправильное решение³. Однако в случае небольших краж, давать клятвы и присяги в свое оправдание в местах, внушающих шаманистам страх, подозреваемых, вероятно, не принуждали. Подозреваемый мог сам принять такое решение, чтобы отстоять свою честь и жить дальше с чистой совестью, не лоя на себе подозрительные взгляды сородичей или соплеменников.

Если же признания отсутствовали и пострадавшие оставались ни с чем, они обращались к магическим приемам, которые могли изобличить преступника. «В решении морально-правовых вопросов нередко использовались священные животные и предметы, а также почитаемые звери, онгоны, убитый волк, шкура медведя, посвященная стрела, метеориты (буудал шулуун)» (Михайлов, 1987: 152). Из всего перечня почитаемых животных привлекает внимание волк, так как с ним связан распространенный в среде тюрко-монгольских кочевников обряд изобличения вора. Пострадавшие совершали специальный обряд с использованием волчьих жил. Смена охотничьих занятий на скотоводческие изменила архаические взгляды на диких животных, выступавших тотемами многих этнических групп монгольского мира. В их числе оказался и волк, образ которого приобретает негативный оттенок, сопрягаясь с образом вора в представлениях кочевников. Во всяком случае, волки и воры в степи были самой распространенной напастью для скотоводов. Магические охранительные меры по защите стад принимались и от волков, и от воров⁴.

В традиционной культуре тюрко-монголов волчьи жилы наделялись необычными свойствами, способными вывести преступников на чистую воду и наказать их. Согласно поверьям, при сжигании волчьих жил на огне стягиваются жилы рук и ног человека, посягнувшего на чужое имущество. Жилы задних лап действуют на ноги, а передних – на руки.

В наиболее информационно насыщенной версии этот магический ритуал сохранился у хакасов, демонстрируя ярко выраженный общественный характер этого действия. В. Я. Бутанаев дает очень подробное описание изобличительного ритуала:

«Сначала после обнаружения крупной пропажи и решения сжечь жилы, делалось всеобщее объявление. Привязывали к палке волчьи жилы и с ней обходили 40 юрт, объявляя свои намерения, затем ждали 40 дней. Через объявленный срок совершали обряд сжигания волчьих жил. Он считался жестоким и поэтому выполнялся одиноким человеком, за пределами юрты и даже аала, где-нибудь на острове реки. Согласно рассказам, в древние времена, когда саянские тюрки жили в берестяных юртах, одна женщина потеряла шелковый платок и ножницы. Она заподозрила в пропаже своих вещей соседей и решила сжечь волчьи жилы. После совершения обряда жилы ее рук и ног стянулись, а двери ее берестяной юрты покорежились. оказывается свой платок женщина засунула в рукава своего суконного халата, повешенного в амбаре, а ножницы запали между берестой в дверях юрты. Подобные обряды были известны среди многих тюркских народов, включая якутов.» (Бутанаев, Монгуш, 2005: 97).

³ Самым высшим судьей у монголов было Вечное Синее небо. У бурят высокой морально-судебной властью обладали Эрлик-хан, великие эжины, нойоны, заяны, духи предков. Оскорбить их, дать ложные показания, призвав их в свидетели, означало обресть себя и потомство на беды и несчастья (Михайлов, 1987: 152). Как полагал Е. М. Залкинд, со временем страх перед карами шаманских богов среди бурят начинает ослабевать, поскольку учащаются отказы и уклонения от божбы. Он видел в этом явную тенденцию отхода от архаических порядков судопроизводства к рассмотрению исков на основе исследования обстоятельств дела (Залкинд, 1970: 129). Но, как мы заметили, буряты только уклоняются от божбы, просто не желая призывать божеств и духов в свидетели, но ложных клятв не дают. Таким образом, страх перед сверхъестественными силами не исчез, да и не могло быть такого в среде верующих. Но, выход был найден – шерть все чаще признается не соответствующей обстоятельствам дела.

⁴ В частности, каждый скотовод прикреплял по обе стороны двери лучевые кости овцы, которые, согласно верованиям кочевников, защищали стадо от воров и волков (Галданова, 1992: 75).

У бурят человека, подозреваемого в воровстве в доказательство его невинности самого заставляли жечь жилы волка. П. П. Баторов пишет, что был свидетелем того, как буряты угрожали заподозренному в воровстве человеку, который не сознавался: «если не сознаешься, то мы тебя заставим жечь на огне сухожилия субэр-шоно (красного альпийского волка). По поверью бурят, процесс сжигания сухожилий могли вызвать у вора судороги рук и ног, с такой сильной болью, что он жизни не будет рад (Баторов, 1925: 12). Вне всякого сомнения, суеверные люди опасались этого обряда и любое недомогание конечностей могли воспринять как наказание свыше. Поэтому такая угроза часто приводила вора к сознанию своей вины. Поскольку П. П. Баторов был свидетелем этого разговора, предполагаем, что подозреваемого обвинили публично, тем самым заручившись одобрением общества для осуществления своего правосудия. Таким образом, религиозные верования оказывали значительное влияние на действующие обычаи традиционной нормативно-правовой системы.

Присутствие магических средств и приемов в нормативной культуре бурят в XIX в. показывает значимость религиозных верований и вместе с тем, фиксирует постепенную секуляризацию религиозного опыта. Очевидно, что религиозная основа нормативной культуры тюрков Южной Сибири сохранилась в лучшей степени, чем у бурят. Об этом можно судить, исходя из содержания обряда сжигания волчьих жил у хакасов, представленном выше. В бурятской традиции отмечены только убеждения о неизбежном наказании вора в результате совершения этого обряда.

Нет сомнения в том, что магические приемы были частью традиционной морально-правовой системы кочевников и охотников, пропитанной шаманистскими воззрениями. Хотя эти представления и действия не отражаются в монгольских средневековых и позднесредневековых официальных законодательных сводах, известно, что клятвы были распространенным явлением в начальный период правления Чингисхана. Отсутствуют сведения о подобных мерах и в бурятских писанных формах обычного права. Но, при этом, в разнообразных формах присяги *шерти*, регламентированных российскими властями в юридической практике народов Сибири, магические действия со шкурами, кровью и частями тела почитаемых животных присутствуют. Полагаем, что возможны две версии, обосновывающие присутствие магии в нормативной культуре тюрко-монгольских народов Сибири. Одна из них общепризнана и определяется группой исследователей – К. Sagaster, Т. Д. Скрынниковой как деструкция социальной жизни монголов в постимперский период, вследствие утраты универсального закона и закона Будды (Sagaster, 1976: 97, 144; Скрынникова, 2013: 149). Последствия этого негативного процесса обозначены А. Т. Тумуровой. Процесс регрессивного развития права и всей государственно-правовой жизни с падением Монгольской империи реанимировал в Монголии давно забытые проблемы, связанные с угоном скота, грабежами и убийствами. Восстановились обычаи самостоятельного искания долга, кровной мести. (Тумурова, 2005: 63). Вполне возможно, что на этом фоне возродились некоторые архаические представления и ритуалы. С другой стороны, на периферии Монгольской империи вдали от масштабных реформ и усовершенствования нормативно-правовой системы Монгольского государства, архаические обычаи могли и не терять своей актуальности.

Список литературы:

- Баторов П. П. Белкованье у аларских бурят и народные поверья // Бурятияведение. – Верхнеудинск, 1925. – № 1. – С. 9–12.
- Бутанаев В. Я. Степные законы Хонгорая. – Абакан: Изд-во Хакасского государственного ун-та, 2004. – 278 с.
- Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В. Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. – Абакан: Изд-во Хакасского государственного ун-та, 2005. – 200 с.
- Галданова Г. Р. Семантика архаичных элементов свадьбы у тюрко-монголов // Традиционная обрядность монгольских народов. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 71–89.

- Залкин Е. М. Общественный строй бурят в XVIII и первой половине XIX в. – М.: Наука, 1970. – 400 с.
- Их Цааз – «Великое уложение». Памятник монгольского феодального права XVII в. – Пер. с монг. С. Д. Дылыков. – М.: Наука, 1981. – 141 с.
- Крадин Н. Н. Кочевые общества в контексте стадильной эволюции // Этнографическое обозрение. – 1994. – № 1. – С. 62–72.
- Линховоин Л. Лодон багшын дэбтэрхээ. Материалы на бурятском и русском языках. – Улан-Удэ: Буряад-Монгол ном, 2012. – 381 с.
- Михайлов Т. М. Бурятский шаманизм. История, структура, социальные функции. – Новосибирск: Наука, 1987. – 287 с.
- Обычное право хоринских бурят: памятники старомонгольской письменности. – Пер. с монг. Б. Д. Цибикив. – Новосибирск: Наука, 1992. – 312 с.
- О воре по прозвищу Арын-Будуун-Хар // Степные были и небылицы. Сост. Хасбатырын Мэргэн. – Улан-Удэ: Изд-во Буряад-Монгол ном, 2010. – С. 228–232.
- Скрынникова Т. Д. Представления о законе в монгольских летописях XVII в. // Страны и народы Востока. – 2013. – № XXXIV. – С. 131–151.
- Тумурова А. Т. Генезис обычного права бурят. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного ун-та, 2005. – 224 с.
- Хангалов М. Н. Юридические обычаи у бурят // Инородцы. Очерки дореволюционной этнографии. – М.: Common place, 2017. – С. 261–310.
- Хангалов М. Н. Собрание сочинений. – Т. III. – Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1960. – 421 с.
- Цыбикдоржиев Д. В. Происхождение древнемонгольских воинских культов. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. – 292 с.
- Sagaster K. Die weisse Geschichte (ᠰayaᠨ teüke): eine mongolische Quelle zur Lehre von den beiden Ordnungen : Religion und Staat in Tibet und der Mongolei. – Wiesbaden: Otto Harrasowitz, 1976. – 489 p.

Содномпилова М. М., д-р истор. наук, вед. науч. сотр.

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, Россия, 670047.

E-mail: sodnompilova@yandex.ru

Нанзатов Б. З., канд. истор. наук, ст. науч. сотр.

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, Россия, 670047.

E-mail: nanzatov@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 23 февраля 2018 г.

M. M. Sodnompilova, B. Z. Nanzatov

ARCHAIC REPRESENTATIONS AND RITUALS RELATED TO ANIMALS IN THE LEGAL AND REGULATORY CULTURE OF THE MONGOLIAN PEOPLES

Legal and regulatory culture is an important part of the cultural heritage of any people. Mongolian and wider – the Turkic-Mongolian peoples have ancient traditions of legal consciousness, which were formed in the context of the traditional culture of hunters, nomadic pastoralists, warriors. A special layer of the traditional legal and regulatory culture of nomads and hunters, impregnated with shamanistic views are magical devices and sacred objects. The totality of such items is quite wide and diverse – it included meteorites ("celestial arrows"), revered animals and parts of their bodies, different types of weapons. The complex of traditional representations, prohibitions, customs and rituals can be described as measures aimed at combating offenses and contributing to the protection of interests in the dispute of the parties. This article focuses on magic techniques and tools aimed at combating theft in a nomad environment. This offense was the most common in the nomadic tradition. In the cases of unauthorized by an official investigation and a public court of offenses magical methods were often used. Having lost hope for voluntary recognition, the victims publicly announced the performance of the rite. As a rule, fear of supernatural forces, exposed the criminal. Thus, religious

beliefs had a significant impact on the current customs of the traditional legal system of the Buryats in the 19th century. The existence of this form of justice could be a consequence of the process of regressive development of law with the fall of the Mongolian empire, when many archaic ideas and rituals came to life. On the other hand, on the periphery of the Mongolian state, the magic in the regulatory and legal system could not lose its significance.

Key words: *customary law, religious beliefs, theft, revered animals, wolf.*

References:

- Batorov P. P.* Belkovan'ye u alarskikh buryat i narodnyye pover'ya [Alar' Buryats Squirells hunting and peoples' beliefs] // Buryatiyevedeniye [Buryat Studies]. – Verkhneudinsk, 1925. – № 1. – P. 9–12. (in Russian)
- Butanaev V. Ya.* Stepnye zakony Khongoraia [Steppe laws of Khongorai]. – Abakan: Khakassian State Univ. Publ., 2004. – 278 p. (in Russian)
- Butanaev V. Ya., Mongush Ch. V.* Arkhaicheskie obychai i obriady saianskikh tiurkov [Archaic rites and rituals of the Sayan Turkic peoples] – Abakan, Khakassian State Univ. Publ., 2005. – 200 p. (in Russian)
- Galdanova G. R.* Semantika arkhainykh elementov svad'by u tyurko-mongolov [Semantics of archaic elements of wedding of Turkic and Mongolian peoples]. Traditsionnaya obryadnost' mongol'skikh narodov [Traditional ritualism of the Mongolian peoples]. – Novosibirsk: Nauka, 1992. – P. 71–89. (in Russian)
- Ikh Tsaaz* – “Velikoe ulozhenie”. Pamiatnik mongolskogo feodalnogo prava XVII v. [Ikh Tsaaz – “Great code of laws”. Written monument of Mongolian feudal law of 17th century], translated by S. D. Dylykov. – M.: Nauka, 1981. – 141 p. (in Russian)
- Kradin N. N.* Kochevyie obshchestva v kontekste stadial'noy evolyutsii [Nomadic societies in the context of stadial evolution] // Etnograficheskoye obozreniye [Ethnographic review]. – 1994. – № 1. – P. 62–72. (in Russian)
- Khangelov M. N.* Yuridicheskiye obychai u buryat [Juridical customs of Buryats], in A. A. Sirina (ed.). – Inorodtsy. Ocherki dorevoliutsionnoi etnografii [Indigenous. Sketch-book of prerevolutionary ethnography]. – M.: Common place, 2017. – P. 261–310. (in Russian)
- Khangelov M. N.* Sobranie sochinenii [Collected works]. – T. III. – Ulan-Ude: Buryat Book Publ, 1960. – 421 p. (in Russian)
- Linkhovoin L.* Lodon bagshyn debterhee. Materialy na buriatskom i russkom yazykakh [From the notes of Lodon Bagsha. Materials in Buryat and Russian]. – Buriad–Mongol Nom; Ulan-Ude, 2012. – 381 p.
- Mikhailov T. M.* Buriatskii shamanism. Istoriia, struktura, sotcialnye funktsii [Buryat shamanism. History, structure, social functions]. – Novosibirsk: Nauka, 1987. – 287 p. (in Russian)
- O vore po prozvizhchu Aryn-Buduun-Khar [About thief also called Aryn- Buduun-Khar]. – M. Khasbataryn (ed.) Stepnye byli i nebulitsy [Steppe tales and tall stories]. – Ulan-Ude: Buriad–Mongol Nom, 2010. – P. 228–232.
- Obychnoye pravo khorinskikh buryat: pamyatniki staromongol'skoy pis'mennosti [ommon law of Khori Buryats: monuments of Old Mongolian Script]. – Translated by B. D. Tsibikov. – Novosibirsk: Nauka, 1992. – 312 p. (in Russian)
- Sagaster K.* (1976) Die weisse Geschichte (Čayan teüke): eine mongolische Quelle zur Lehre von den beiden Ordnungen : Religion und Staat in Tibet und der Mongolei. – Wiesbaden; Germany: Otto Harrasowitz, 1976. – 489 p.
- Skrynnikova T. D.* Predstavleniya o zakone v mongol'skikh letopisyakh XVII v. [Law representations in Mongolian annals of 17th century]. Strany i narody Vostoka [Countries and peoples of the Orient]. – 2013. – № XXXIV. – P. 131–151.
- Tumurova A. T.* Genesis obychnogo prava buriat [Genesis of Buryat common law]. – Ulan-Ude: Buryat State Univ. Publ., 2005. – 224 p. (in Russian)
- Tsybikdorzhiev D. V.* Proiskhozhdenie drevnemongolskikh voinskikh kultov [Genesis of ancient Mongolian martial cults]. – Ulan-ude: BNC SO RAN Publ., 2003. – 292 p. (in Russian)

Sodnompilova M. M., doctor histor. nauk, leader researcher.

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS.

Sakh'yanovoi str. 6, Ulan-Ude, Russia, 670047.

E-mail: sodnompilova@yandex.ru

Nanzatov B. Z., kand. histor. nauk, senior researcher.

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS.

Sakh'yanovoi str., 6, Ulan-Ude, Russia, 670047.

E-mail: nanzatov@yandex.ru